

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ – ТАНКИ И ЛЮДИ

Британский историк Роберт Кершоу (Robert Kershaw) рассказывает о польско-германской войне 1939 года – первой кампании ВМВ, основываясь на впечатлениях участников событий...*

Немецкие танки на марше. Польша, 1939 год

<https://www.historyanswers.co.uk/history-of-war/polish-cavalry-vs-german-tanks-the-lies-the-betrayal-and-the-unlikely-truth/>

ПЕРВЫЕ БОИ

«Когда мы первый раз пошли в наступление, у меня было странноватое ощущение, - вспоминал Рольф Хертенштайн (Rolf Hertenstein), находившийся в составе 4-го Танкового Полка, - что в Польше нам никто не собирается бросать нам цветы – на это раз все будет всерьез.» После напряженного ожидания танковые экипажи пересекли границу и обнаружили, что, как им показалось, поле боя перед ними пустынно. «Поле боя выглядело покинутым, - вспоминал гауптштурмфюрер SS (в оригинальном тексте – Captain – ВК) Курт Майер (Kurt Meyer), - и наши массы наших пехотинцев продвигались по нему в сторону противника.»

Курт Майер (1910-1961) на Восточном фронте, где последовательно командовал разведбатальоном и полком. На Западном фронте командовал дивизией Waffen SS Hitlerjugend. Был осужден в 1945 году канадским трибуналом на пожизненный срок, как ответственный за расправу над канадскими военнопленными, однако спустя девять лет вышел на свободу.

Написал книгу воспоминаний Grenadiers, переведенную на русский.

[https://www.e-reading.club/chapter.php/97755/103/Zalesskiii - Komandiry Leibshandarta .html](https://www.e-reading.club/chapter.php/97755/103/Zalesskiii_-_Komandiry_Leibshandarta_.html)

Но они редко сталкивались с вражескими солдатами – находились только следы того, что они были здесь. Офицер-танкист фон Эзебек (Von Eisebeck), командир разведбатальона, в первый раз увидел раненого, когда продвигался мимо здания польской таможни. С раненым был санитар:

Солдат смотрел на нас, его глаза были широко открыты, полные изумления. Он был тяжело ранен и не сказал ничего. Все, что он мог сделать, это помахать нам рукой, желая удачи, когда мы проходили мимо в нашем долгом марше, в котором он уже не примет участие...

Это было недвусмысленным напоминанием о том, что войска были не на маневрах, и признаком того, что полоса боевых действий уже рядом... Когда звуки ружейных выстрелов, смешивающиеся с треском пулеметных очередей, стали различимы на фоне глухих разрывов артиллерийских снарядов, люди почувствовали напряжение. Командиры танков в последний раз окинули взором раскинувшуюся перед ними местность прежде чем нырнуть в башни и закрыть люки. «Глядя в узкую смотровую щель, я вижу танки моего взвода, продвигающиеся слева и справа от меня. – вспоминал обер-лейтенант Рудольф Бер (Rudolf Behr), командир взвода танков M IV. – Вокруг не было признаков жизни, но он [противник] должен быть где-то там: в кустах, за холмами, в фермерских постройках за рощицами.» Танкисты передовых машин часто не в состоянии разглядеть противника, пока он не откроет огонь. «Затем, неожиданно, я и парни моего экипажа слышат лязг и удар, который сотрясает всю машину. В нас попал снаряд противотанковой пушки!» По счастью для Бера, была повреждена только гусеница, и экипаж сумел отремонтировать ее, выбравшись из танка. Но не все были столь же удачливы...

Курт Майер вспоминал, как выстрелы из польской противотанковой пушки, прозвучавшие, словно удары кнута, поразили одну за другой две бронемашины. Противотанковые пушки [поляков] обычно были на вооружении боевых отрядов, которых поддерживали пулеметчики, старавшиеся вести огонь по тем, кто пытался выбраться из горящих машин. Майер видел, как снаряд за снарядом пробивал броню. Никто не был в состоянии добраться до горящих машин под пулеметным огнем, не дававшим экипажам подбитых машин выбраться наружу. «Каждый раз, когда снаряды прошивали броню, крики наших смертельно раненых товарищей становились все громче. Некоторые пытались выкарабкаться наружу, но их буквально рассекал на части пулеметный огонь. Стоны, доносящиеся из бронемашин, стали тише. Как замороженный я смотрел, как из щелей в первой машине сочится кровь. Я был просто парализован. Я еще не видел ни одного польского солдата, но мои товарищи уже были мертвы, прямо рядом со мной...»

В первый день польской кампании 7-й Танковый Полк 3-й Армии, поддерживавший атаку пехоты на укрепления к северу от Млавы/Mława, увяз в завале из рельсов. Это препятствие не было замечено во время воздушной разведки. Несколько машин застрявших на этой преграде, были подбиты огнем артиллерии и противотанковых ружей, кроме того, еще большее число машин было потеряно тогда, когда они перемещались вдоль преграды, пытаясь найти в ней просвет. На войне отсутствие опыта не остается безнаказанным. «Эта атака окончилась катастрофой, - было написано в донесении из танковой дивизии *Kempf* в штаб 3-й Армии. – Страшные потери в танках, общее число неизвестно. Атаковать здесь бесполезно.» 7-й Танковый Полк потерял под Млавой 72 машины из 164-х и был вынужден отступить, оставив атакующую пехоту прижатой огнем к завалу. На других участках наступление танков набирало ход при поддержке Люфтваффе...

... Быстрота реакции и необходимость скомбинировать мастерство всех членов экипажа так, чтобы они действовали в унисон, стало основной успеха в бою. Наводчик из 4-го Танкового Полка Рольф Хертенштайн вспоминал, как приходилось бороться с основным противником – противотанковой артиллерией: «Теперь вопрос заключался в следующем: кто будет первым, кто сумеет угодить в оппонента.» Единственным указателем на цель [для танкиста] был дульная вспышка. На пути ко Львову снаряд пролетел между танком Хертенштайна и соседней машиной *MIII* всего в 4-5 футах. Туман и дым закрывали обзор. Его командир танка приказал ему вести огонь, но наводчик ничего не видел. «Башня была повернута на 12 часов, строго по курсу, но, немного повернув ее влево, я увидел еще одну дульную вспышку.» И снова совсем рядом просвистел снаряд, на что танкист немедленно ответил выстрелом. Вражеская пушка замолчала. Танкисты осторожно продвинулись вперед. «На обочине дороги были польская 37-мм противотанковая пушка и, рядом с ней, погибший расчет. Заряжающий только что пытался загнать снаряд в казенник пушки, и это был снаряд, который мог означать нашу смерть...»

Коммуникации внутри танка состояли из команд, передаваемых по радио и просто криком. Рудольф Бер, командир взвода, в ходе атаки разглядел впереди польских пехотинцев. Он вспоминал: «Это настоящий подарок для нас! Прокричал направление и расстояние своему наводчику [сидевшему слева] и затем заряжающему – какой снаряд загонять. Водителю я отдал команду через внутреннее переговорное устройство, поскольку докричаться до него было невозможно: «Вперед и весь корпус вправо. Вперед быстрее, вплотную к противнику!» После этого он должен был направить весь взвод по радио: «Слева от нас, на 10 часов, – одиночное дерево, там пехота. Уничтожить их!»

Впереди и слева от водителя находился стрелок-радист, который принимал и отправлял сообщения. В данном случае он должен был использовать против врага свой пулемет. Тем

временем Бер повел пушечный огонь по пехоте врага фугасными снарядами, давая направление огня наводчику. «Я видел результат, - вспоминал он. – Это было восхитительно!» Рассеянным пушечным огнем польских пехотинцев немцы косили из пулемета...

Роль индивидуального боевого мастерства становилась все более очевидной для немецких танкистов в ходе этой кампании. Бер объяснял это своему механику-водителю в дополнение к уже сказанному о необходимости должного техобслуживания машины:

Ты должен управлять машиной, должен переключать передачи быстро и часто, постоянно следить за показаниями датчиков [на приборной панели], с моей помощью находить путь на местности, выводить танк на правильную огневую позицию, чтобы дать наводчику наилучшую линию прицеливания, помочь мне выявлять цели.

Каждый член экипажа был обязан взаимодействовать с другими, чтобы эффективно вести бой. По оценке Бера, «каждый танкист должен был «полностью посвятить себя управлению тем элементом техники [и вооружения], который был ему доверен, и выполнять все те приемы, которым он был обучен в период интенсивной подготовки.»

НА МАРШЕ

«Восемь суток в движении, без перерыва, - писал командир разведывательного подразделения (Aufklärung Abteilung) обер-лейтенант фон Бюнау (von Büнау, на фото слева)** - днем и ночью, ночью и днем в разведке.» Усталость брала свое. Эти люди должны были вести рекогносцировку, продвигаясь впереди броневых клиньев. «Люди измотаны, водители уже не могут открыть глаза, лица покрыты грязью, и в этом жарком сентябре мы постоянно страдаем от жажды.» За три дня 3-я Танковая Дивизия вместе с 5-м Танковым Полком прошла 380 км после того, как ее перенаправили на осуществление масштабного обходного маневра (*часть клещевого охвата – ВК*), который должен был закончиться у реки Буг в районе Брест-Литовска. 35-

й Танковый Полк, который первым вышел к Варшаве вместе с 4-й Танковой Дивизией, совершил 400-километровый марш по «невероятно плохим» дорогам. Танковые экипажи начали привыкать к особенностям этих долгих и утомительных маршей, которые сопровождались стычками с противником. Перерезав Данцигский коридор, выйдя к Варшаве, танкисты связали польские войска достаточно плотно для того, чтобы обеспечить их последующий разгром силами пехотных дивизий.

Фон Эзбек, командир разведбатальона, вспоминал, как получил от Гудериана с обочины дороги приказ передать ему карту. Офицер передал ее, сложенную, как обычно, так, чтобы был виден квадрат, охватывающий расстояние дневного марша, и чтобы было легче просматривать ее в тесной танковой башне. Однако Гудериан сказал: «Нет, нет – разверните карту целиком.» Указывая на край карты, расстеленной на земле, Гудериан ткнул пальцем в мост на реке Буг, который был ему необходим. «Я не верил своим ушам, - вспоминал молодой офицер. Еще сотня километров по прямой (*as the crow flies – ВК*)!» Теперь разведчики должны были продвигаться ночью, часто на первой или второй передаче, поскольку дорога представляла из себя «песчаное корыто.» Командиры экипажей могли направлять боевые машины только вслед за еле виднеющимся в темноте силуэтом машины, идущей впереди. «Водитель нашего командирского танка попросил меня на время взять управление на себя, поскольку «ротация» членов экипажа была единственным способом продолжать марш. Его руки уже просто повисли, словно деревянные, - вспоминал фон Эзбек. – Он руку и поднять-то не мог. В итоге, танкисты захватили мост, но мне было тяжело вести танк даже короткий отрезок времени...»

Немецкий рекогносцировочный патруль в горящей польской деревне

<https://rarehistoricalphotos.com/the-invasion-of-poland-in-pictures-1939/>

В Польше немецкие танкисты прошли крещение огнем задолго до того, как это удалось сделать британцам и французам. Коммуникации 1930-х были на таком уровне, что Польша [для союзников] была словно на противоположном конце земли. Вступление в войну на стороне поляков не могло привести к немедленному оказанию помощи: Польша была слишком далеко. Британские и французские танкисты сфокусировались на подготовке к войне с немцами, но не к оказанию помощи полякам. Это привело к проявлению среди них умиротворения: никто и не собирался незамедлительно отправлять в Польшу экспедиционный корпус... Тем временем немцы учили горькие уроки настоящей войны – те, что [вскоре] дадут им преимущество перед еще не прошедшими *инициацию* британцами и французами.

ВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Первым уроком был молниеносный и шоковый переход от мира к войне. Один солдат вспоминал, что вначале «нас вытащили из коек в час ночи и построили. Послание Фюрера!» Им объяснили причины, по которым начато вторжение, за что они будут сражаться, и «через четыре часа мы уже были на земле Польши.» Оберст-лейтенант Фридрих фон Меллентин (Friedrich von Mellenthin), служивший в штабе 3-го Корпуса верил в то, что Польская кампания имела «существенное значение для получения войсками боевой закалки и усвоения разницы между маневрами мирного времени и настоящей войной.» В первую ночь наступления обер-лейтенант Лоссен (Lossen), служивший в 6-

м Танковом Полку оценил то, что «большинство из нас, молодых солдат, начали понимать, что такое война.» Танки этого полка остановились на ночь на открытой и ненадежной позиции:

Стоны раненых польских солдат наполнили темноту. Где-то в этой мгле притаился враг, намерения которого были нам неизвестны, но который, в отчаянии, казалось, был готов на все. Скот, закрытый в сараях горящих ферм, беспомощно мычал. Над нашими головами с завыванием пролетали снаряды германской артиллерии. Мы лежали на чеку, в напряжении, ожидая, что будет в ближайшие часы.

Некоторые стандарты, типичные для мирного времени, немедленно улетучились в условиях реалий войны. До начала боевых действий в 5-м Танковом Полку на полигоне *Gross Born* нарисовали белые опознавательные кресты на всех сторонах танковых башен. Танкисты быстро сообразили, что эти кресты – отличные мишени для польских противотанковых пушек. Постепенно их замазали. Новым опознавательным знаком стал черный крест, оконтуренный тонкими белыми линиями.

Нервозность стала характерной чертой на начальной стадии кампании и не только. Немецкие солдаты на протяжении всего периода боев были убеждены в том, что по ним стреляют снайперы из числа местных жителей, но это редко соответствовало действительности. «Я усвоил, что даже хорошо подготовленная воинская часть может быть крайне чувствительной в условиях войны,» - рассказывал фон Меллентин. Он вспоминал в качестве примера генерала Люфтваффе – офицера связи, делавшего круги в воздухе над полевым штабом корпуса в самолете *Fieseler-Storch* перед посадкой: «Все схватились за то оружие, какое было под рукой, и открыли пальбу, в то время как офицер связи с BBC бегал и кричал возбужденным солдатам, чтобы они прекратили огонь и что это самолет командующего. Генерал авиации отвечал за тактическую поддержку войск корпуса и «не оценил «шутку» по достоинству...»

Довоенные учения не подготовили никого к тому очевидному факту, что война будет идти там, где есть гражданское население. Прояснение наступило даже у самых бесчувственных танкистов, когда они на скорости продвигались мимо одной горящей деревни за другой. От целых сел оставались только обгорелые печные трубы с дымящимися руинами уничтоженных огнем домов. Унтер-офицер Прис (Pries), служивший в 6-м Танковом Полку, вспоминал о неожиданном визите на фронт Гитлера, которого сопровождал Гудериан, командовавший танковой группой, наступавшей вдоль дороги Тухола-Свец/ *Tuchola-Swiecie* (в оригинальном тексте - *Tuchel-Schwetz* (нем.)):

Трупы поляков были разбросаны среди обломков телег, фургонов, машин, множества пушек и трупов лошадей, в которые все это было когда-то запряжено. Груды боеприпасов валялись рядом с брошенными второпях винтовками, штыками, противогазами и всевозможным снаряжением. Это было печальное, наводящее на мрачные мысли зрелище...

Глядя на разгромленный артиллерийский полк [противника], Гитлер спросил Гудериана: «Это наши пикирующие бомбардировщики сделали?» - «Нет, - ответил Гудериан, - это наши танки!» Гитлер был просто изумлен.

Эта сцена шокирующего побоища, в которой отразились и те ужасные обстоятельства, в которых оказалось мирное население, неприятно напомнила солдату о том, что представления о правилах и нормах остались дома... Курт Майер, служивший в Дивизии *SS Leibstandarte*, вспоминал о судьбе польских беженцев, смешавшихся с [отступающей] польской военной колонной, которая была уничтожена на дороге Олтаржев/*Oltarzew* (вероятно, в районе городка с этим названием – ВК) недалеко от Варшавы: «Там не было разницы между солдатом и мирным жителем. Современное оружие уничтожило их всех.» Среди мертвых и раненых лошадей, запутавшихся в упряжи, лежали трупы женщин и детей, растерзанных страшным вихрем войны. Рыдающие дети приносили к мертвым матерям, матери – к мертвым детям.» И поляки, и немцы попытались дать людям возможность покинуть это место. «Никто не стрелял, - вспоминал Майер. – Война была

приостановлена... Там, на дороге, я не увидел ни одной улыбки на лицах немецких солдат. На лицах у всех был ужас. Под яркими лучами сентябрьского солнца залитую кровью дорогу быстро облепили мухи...»

После первоначального шока солдаты стали отмежевываться от таких сцен – включился механизм защиты от негативных эмоций. Уважение к правилам [ведения войны] было поставлено в подчиненную роль по отношению к военной необходимости. Разведбатальон фон Эзебека уже вскоре стал прибегать к методу полного уничтожения при очистке зданий от обороняющихся:

У наших людей не заняла много времени выработка превосходной методики: один снаряд – пониже в угол дома, один – над первым и посередине, еще один – в крышу. Этого было достаточно, чтобы вся польская постройка обваливалась.

То, что было отработано в деревнях, с удвоенной энергией применялось в Варшаве. Танки плохо подходили для уличных боев. Тучи пыли, пулеметный огонь с чердаков, гранаты, которые бросали с верхних этажей и из подвалов: все это уже вскоре отделило пехоту от танков. Уязвимые машины *МI* и *МII* становились легкой добычей для противотанковых пушек. «Храбрые поляки использовали заряды взрывчатки для подрыва гусениц – взрывы часто отрывали колеса. Башни засыпало обломками падающих стен, и их уже было невозможно повернуть.»

... В танк обер-лейтенанта Клааса (Claas), командира передовой роты, угодил снаряд хорошо замаскированной противотанковой пушки. Он приказал водителю продолжить движение, но следующий снаряд поджег танк. Клаас и его радист сумели выбраться из горящей машины, но получили серьезные ранения. Танк обер-лейтенанта Морганрота (Morganroth), командир 8-й Роты, тоже был подбит. Уже через несколько минут он забрался в другой танк, чтобы продолжить бой, но и этот танк был подбит. На этот раз смерть не миновала немецкого офицера. Два взвода немецких танков (*8 машин – ВК*) атаковали позиции поляков, расположенные в лесистом парке: из боя вышли только три машины. Атака была отбита, танки отошли на исходные позиции, где выяснилось, что из 120 танков, которые числились в строю еще утром, осталось только 57 машин. 8 танкистов погибли, 15 было ранено, еще 30 оказались пропавшими без вести. Стало ясно, что танки без поддержки пехоты не в состоянии взять Варшаву...

ПИКИ ПРОТИВ БРОНИ

Неизбежным было то, на каком-то этапе этой кампании новое столкнется со старым. Лейтенант Мариан Камиль Дзевановски (Marian Kamil Dziewanowski), командир взвода Сувалкинской (Suwalkska) Кавалерийской Бригады, вспоминал, как его часть была вынуждена импровизировать в поисках методов борьбы с немецкими танками. Поляки стали применять тактику «преследования, засад и уловок». Дзевановски рассказывал, как они «заползали под танки, чтобы подорвать гусеницы ручными гранатами, или, сближаясь с танками, бросали в них бутылки с зажигательной смесью.» На вооружении бригады было много небольших противотанковых пушек, которые часто передвигались на конной тяге. Используя их, Бригада записала на свой боевой счет 31 бронированную машину. Ожесточенность, с которой дрались польские кавалеристы, стала легендарной. Часть, которой командовал Курт Майер, была неожиданно атакована кавалеристами, появившимися из-за дымовой завесы. Их не удалось остановить огнем из легкого стрелкового оружия. «Только когда солдаты мотоциклетного взвода открыли огонь (*вероятно, пулеметный – ВК*) и уложили нескольких лошадей, кавалеристы ускакали галопом и скрылись за стеной дыма.»

Мариан Камиль Дзевановски (1913-2005), в послевоенное время – известный польско-американский историк, автор многих книг, в том числе, по истории России и СССР

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B7%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C>

Лейтенант Дзевановски вспоминал: «К ночи в лесной чаще мы потеряли ориентировку и теперь ехали по бездорожью [в поисках возможности] атаковать бронированные колонны [противника]... Мы увидели длинную войсковую колонну, медленно ползущую в клубах пыли.» События происходили 9 сентября неподалеку от Варшавы. Перед поляками был вытянутый в колонну батальон немцев. Прозвучала команда: «Рысью, марш!» «Враг еще не видел нас, восходящее солнце обещало ясный день.» Этот бой стал лебединой песней и Сувалкинской Бригады, и всадника на войне. Кавалерийская масса вырвалась из укрывавшего ее леса, и развернулась в атакующий строй на открытой местности. Пока кавалеристы рысью шли на врага, из леса открыли огонь польские пулеметы, обрушившие свой огонь на не ожидавших неприятностей немцев. «Сабли наголо, галопом, марш!» - прозвучала команда. Немецкий батальон под огнем превратился в неуправляемую, охваченную паникой толпу. Некоторые из немцев попытались занять оборону в придорожном кювете, тогда как другие попытались спрятаться от пулеметного огня за фургонами. «Через несколько мгновений, - вспоминал Дзевановски, - мы были уже на шоссе, и наши клинки и пики заработали безостановочно.» Пытавшимся бежать спасения не было. «Мы задыхались и зверски устали, но нас вдохновляла эта победа, о которой мы так мечтали, - вспоминал офицер. Большие группы немцев начали поднимать руки. В панике оказывавшие сопротивление немцы стреляли неточно, и поляки потеряли убитыми всего троих кавалеристов, хотя было убито от 30 до 40 лошадей. «Однако эта победа была лишь временной, - признавала Дзевановски. – Прошло несколько дней, и мы были вынуждены отступить...»

Польские кавалеристы. 1939 год

<https://rarehistoricalphotos.com/the-invasion-of-poland-in-pictures-1939/>

Судя по рассказам переживших войну кавалеристов, они шли в бой в составе спешенных противотанковых отрядов. Лошади придавали группам мобильности и могли нести на себе или тянуть за собой оружие и боеприпасы. Вполне возможно, что немецкие танкисты и польская кавалерия вступали в неожиданные боестолкновения. Гудериан вспоминал об одном из таких боев, случившемся в время продвижения 3-й Танковой Дивизии к Висле. Местность была лесистой, и такое столкновение было возможным, но, вероятно, не в таком виде, в каком его описывает Гудериан. «Польская Поморская (Pomorska) Кавалерийская Бригада, вспоминал он, - не имея понятия о том, что из себя представляют наши танки, атаковала их с саблями наголо и пиками и понесла колоссальные потери.» Ханс Йоахим Бруно (Hans Joachim Bruno), молодой унтер-офицер артиллерийской батареи на конной тяге, рассказывал, что, по его опыту, он бы рассматривал такую атаку как имеющую смысл:

Первый раз мы испытали удивление, увидев польскую кавалерию на пятый день войны. О них уже говорили, как о чем-то особенном, и мы убедились в этом вдвойне, когда эти кавалеристы атаковали немецкие части с их тяжелым вооружением. Можно было назвать их поведение героическим. Они видели, что катится на них, и несмотря на это пошли в атаку. Мы опустили стволы наших пушек и открыли огонь вместе с пехотой. Это была полномасштабная атака, они скакали так, чтобы врезаться в нас, словно были на учениях. Их повсеместно сметало огнем, когда они галопом неслись прямо на летящие в них снаряды наших тяжелых и легких пушек...

Обер-лейтенант, танкист В. Райбель (W. Reibel) наступал с юга вместе 15-м Корпусом Хеппнера (Ноеррнер). Когда его рота остановилась на ночлег, горизонт уже был озарен пламенем горящих польских деревень. Тут раздался крик: «Польская кавалерия на подходе слева!» Немцы похватили оружие, но тревога оказалась ложной: это табуны лошадей без всадников искали людей...

Польские военнопленные

<https://www.alamy.com/stock-photo-polish-prisoners-of-war-1939-164184284.html>

Хотя в количественном плане польская кавалерия производила впечатление, полякам не удалось бросить в бой большие массы всадников. Концентрированные атаки пикирующих бомбардировщиков и атаки немецких самолетов с бреющего полета, предшествовавшие наступлению немецких механизированных колонн, подавляли сопротивление поляков. В воспоминаниях немецких ветеранов всегда фигурируют горящие деревни, подожженные в ходе воздушных атак еще до того, как к ним подходили танковые части. На самом деле, польская авиация не была полностью уничтожена в первые же дни войны. Польские бомбардировщики продолжали целеустремленно атаковать наступающих немцев вплоть до 16 сентября, а польские истребители и зенитчики сбили более 70 немецких бомбардировщиков. Но, сильно уступая немцам в численности и технических характеристиках, польская авиация не была в состоянии состязаться с Люфтваффе в борьбе за господство в воздухе. Контролируя небо, пикирующие бомбардировщики Ju-87 заменили собой артиллерию, которую танки часто существенно опережали в ходе наступления, обозначив этим приход новой эры механизированной войны с таким уровнем мобильности, о которой сторонники этой концепции могли в свое время только мечтать. Oberлейтенант Лоссен из 6-го Танкового Полка вспоминал свой разговор с ранеными польскими военнопленными, которые были совершенно деморализованы, и подтвердили: парализовало их волю то, что «сразу за немецкими самолетами идут танки...»

Польские войска и, в особенности, идущие к фронту подкрепления и обозы с боеприпасами и другими грузами, немцы громили с воздуха еще до того, как они достигали передовой. Мобилизация была сорвана. Части, которые находили возможность двигаться, покрывали только очень небольшие расстояния, и уже очень скоро их снабжение прерывалось. «У нас не было и шанса на то, чтобы сесть на поезд, идущий в нужную нам точку,» - писал 27-летний польский инженер Леонард Витольд Ястржебски. Он отчаянно пытался найти свою часть и подсел на железнодорожный состав, везущий снаряжение для танковых частей. Им постоянно приходилось прыгать с поезда, который постоянно останавливался под атаками немецкой авиации. Поляк вспоминал, как увидел кого-то, шедшего вдоль железной дороги, после того, как состав остановился на закате 17 сентября. «Не жди ничего, - сказал ему этот человек. — Не жди: большевики вступили в войну.»

К этому моменту Группа Армий «Север» генерала фон Бока и Группа Армий «Юг» генерала Рундштедта глубоко вклинились в польскую территорию. Клеши немецких войск охватили польские армии к западу и северо-западу от Варшавы. 1-й Корпус 3-й армии немцев подступил к городу с востока. Когда наступающие на внешних по отношению к кольцу части обеих армейских групп предприняли еще более широкие охваты в направлении Белостока и Бреста с севера и Львова с юга, русские войска перешли границу. Хотя бои продолжались еще две недели, это означало конец кампании. В руках поляков оставалась столица страны и рассеянные очаги сопротивления.

«Это был конец, - рассказывал Ястржебский. – Шансов у нас не было. Две армии, атакующие с двух сторон. Как могли выжить поляки в такой ситуации?» До этих событий поляки сконцентрировали свои усилия на западе и обнажили восточные границы. 29-летний Анджей Богуславский (Andrzej Boguslawski) был бывшим студентом, служившим 1-м Полку Лансеров. Он с горечью вспоминал вторжение Советской армии, как «удар ножом в спину, которого никто не ожидал.» Его часть сражалась против советских танков в конном строю, используя такую же тактику набегов, как против немецких войск. Богуславский утверждал, что его часть уничтожила 22 советских танка: «Я видел их в большом количестве! Это была наиболее успешная операция на Восточном фронте, но, увы, это продолжалось недолго.» К 25 сентября его часть была вынуждена бежать через литовскую границу.

Русские смяли символическую оборону в приграничной полосе и в первый день продвинулись более чем на 60 км. Советский танкист Георгий Антонов***, вспоминал, что неспособность тыловых частей организовать должным образом снабжение, создала больше проблем, чем противник. Решение рассредоточить танки по пехотным частям, принятое после Гражданской войны в Испании, имело весьма негативные последствия. Как свидетельствовал танкист, в дороге неоткуда было брать горючее, и многие танки, трактора и другие машины останавливались без топлива. Это сильно напоминало провальные ситуации, которые возникали из-за отсутствия должного опыта у немцев во время *Аншлюса* и похода на Вену. По воспоминаниям Антонова, два эшелона наступающих растянулись на сотни километров, и даже внешне солдаты выглядели неважно, особенно те, кто пришел из запаса. Стрельба без разбору, в том числе, по своим, инциденты на линии разграничения с немецкими войсками не остались незамеченными немецкой стороной: офицеры Вермахта сделали определенные заключения относительно готовности Советской армии к войне...

22 сентября 3-я Танковая Дивизия немцев провела вместе советскими войсками в Брест-Литовске парад, посвященный победоносному завершению военной кампании. «Советы оставили неважное впечатление. – вспоминал Ханс Биленберг (Hans Bielenberg), офицер, принявший участие в прохождении военной техники. - Их машины и, прежде всего, танки, должен сказать, выглядели коллекцией перемазанного маслом хлама.» Эта процессия потрепанной техники, в том числе, немецкой, которая сильно нуждалась в ремонте и техобслуживании, обозначила окончание мобильной фазы Польской кампании. 3-я Танковая Дивизия передислоцировалась в Восточную Пруссию, в то время как 19-й Механизированный Корпус, которым командовал Гудериан, был расформирован при сохранении штаба. Осада Варшавы продолжалась, и изолированные части польских войск продолжали сопротивление до 5 октября.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Механик-водитель танка Ханс Беккер (Hans Becker) признавал, вспоминая польскую кампанию, что она «оказалась вовсе не пикником, как предыдущие. Хотя она была и короткой – всего 18 дней [для танковых войск – В.К.] – бои были тяжелыми.» Танковые войска безвозвратно потеряли 236 бронированных машин. У многих танкистов осталось чувство уязвимости, вызванное тем, что они увидели техническое несовершенство своих боевых машин. Небольшое число танков *MIII* и *MIV* с пушечным вооружением поддерживали легкие пулеметные танки, и это стоило немцам потерь,

которых можно было избежать. «Качество нашей техники оставляло, во многом, желать лучшего,» - вспоминал фон Меллентин. «Я прошел через это целым и невредимым, - комментировал Ханс Беккер, - но был счастлив, когда этот жестокий блицкриг закончился.» Многим повезло меньше. 5-й Танковый Полк, оснащенный преимущественно легкими танками, потерял 38 человек убитыми - они погибли из-за слабой броневой защиты. Их средний возраст был 24 года.

Ханс Беккер (слева) под Курском. 1943 год. В конце ВМВ попал в плен и провел несколько лет в советском плену. Написал книгу воспоминаний Devil on my Shoulder (русское название - На войне и в плену: воспоминания немецкого солдата, 1937-1950)

<https://i.pinimg.com/originals/86/b9/73/86b97316ddd867f8cfe84bfa42c8fa2d.jpg>

Немецкие танкисты научились многому в этой кампании. 19-й Корпус Гудериана вместе с Группой Армий «Север» использовал танковые дивизии и две легкопехотные дивизии как единое целое. Группа Армий «Юг» рассредоточила свою бронетехнику по различным армиям и корпусам. Это был, по меньшей мере, шаг в направлении создания танковой армии. Гудериан ясно высказался в пользу необходимости совместного ведения боя силами танков, артиллерии и пехоты, требующими непосредственной поддержки авиацией.

Члены танковых экипажей теперь могли делегировать друг другу свои непосредственные обязанности, танкисты научились продвигаться по карте через незнакомую, лишенную ориентиров местность, и быстро перестраиваться в маршевые колонны, хорошо изучили стандартные тактические приемы. Они получили непосредственный опыт преодоления того, что Клаузевиц называл «трением» на войне: местность, логистика, психологические и физические нагрузки.

Танкисты прошли суровую проверку. «Пока кампания продолжалась, - писал позднее Беккер, - мы вели цыганский образ жизни и даже не думали о том, чтобы помыться: даже друзей невозможно было узнать из-за [отросших] бород, а на заключительной стадии боев, когда война достигла

максимального уровня жесточенности, едва оставалось время на то чтобы съесть то немногое, что было нужно нам для поддержания сил... На нас снизошла настоящая слава, но, когда мы отдыхали в Познани (в тексте – Rosen (нем.) – ВК), зализывая раны, мы были, скорее задумчивы, чем бесконечно счастливы.»

www.alamy.com - CPMA3D

Немецкие солдатские могилы. Польша, 1939

<https://www.alamy.com/stock-photo-polish-campaign-1939-48334732.html>

«Это не было войной, нацеленной на то, чтобы занять пространство (в тексте – *occupation war* – ВК), это была война быстрых прорывов, война на уничтожение [противника], - писал американский журнал *Time*. – Они назвали ее *Blitzkrieg*, то есть, *молниеносной войной*.» С той поры слово *Blitzkrieg* стало синонимом современной мобильной и маневренной войны. Хотя эта кампания произвела большое впечатление на не вполне компетентную прессу, профессионалы были возбуждены в меньшей степени. Генерал Франц Гальдер, глава германского генерального штаба, в обязанности которого входило предоставление Гитлеру рекомендаций по ведению военных действий против Великобритании и Франции, записал в своем дневнике: «Методы ведения польской кампании не годятся для Запада. Они не подходят для войны против крепко сколоченной армии.»

В результате польской кампании не появилось новой стратегии или методики оперативного планирования. Германские бронетанковые силы в оперативном плане, на тактическом уровне не действовали независимо в масштабах дивизии. «Отдавая должное нашим бронетанковым силам в Польше, - писал генерал-лейтенант Георг фон Зоденштерн (Georg von Soderstern), начальник штаба Группы Армий «А», - мы, тем не менее, отмечаем, что у бронетехники мало шансов, если они вообще есть, на успех против такой обороны [как на Западе]. В Польше только

быстрое завершение кампании помогло избежать катастрофы с логистикой, поскольку у Вермахта и Люфтваффе уже не оставалось боеприпасов. Большая часть механизированных колонн потеряла до 50% своих машин, остро не хватало хорошо обученных офицеров. Механик-водитель Ханс Беккер вспоминал: «Новости о том, что мы также находимся в состоянии войны с Францией и Англией, скрывали от нас до самого конца боевых действий против Польши.» Другие военнослужащие тоже были обеспокоены. Лейтенант Ханс фон Люк (Hans von Luck****, на фото слева) из 7-й Танковой Дивизии вспоминал о том, что его предупреждали: «Это не будет прогулкой, как в Польше.

Французы и британцы – это совсем другой оппонент.»

**Роберт Кершоу – правильное произношение – Кершо*

*** Вероятно, речь идет об одном из сыновей генерала Рудольфа фон Бюнау, также по имени Рудольф, награжденном 08.08.1943 года Рыцарским Крестом и убитом через неделю на Восточном фронте.*

[https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Knight%27s_Cross_of_the_Iron_Cross_recipients_\(Bn%E2%80%93Bz\)](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Knight%27s_Cross_of_the_Iron_Cross_recipients_(Bn%E2%80%93Bz))

**** Вероятно, речь идет о бывшем советском офицере по имени ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ АНТОНОВ (1898-1963), поскольку в ссылке на интервью его инициалы приведены как G.I..*

Г.И. Антонов во время службы в Красной Армии

<http://tankfront.ru/ussr/persons/col/AntonovGI.html>

С 1918 в Красной армии, к концу 1930-х полковник бронетанковых войск; в 1941 попал в плен, начальник школы пропагандистов в Вульхайде, в 1943 г. вступил в коллаборационистскую армию А.А. Власова, инспектор пропаганды в лагере подготовки пропагандистов РОА Дабендорф; член Союза Освобождения Народов России (с 1948), заместитель председателя Союза (с 1949)
<http://baza.vgdru.com/1/43510/all.htm?o=0&>

****Ханс фон Люк (1911-1997) – впоследствии воевал на Восточном фронте, в Северной Африке и в Западной Европе, кавалер Рыцарского Креста за бои в Нормандии
https://en.wikipedia.org/wiki/Hans_von_Luck

Robert Kershaw. Tank Men. London, 2008

Сокращенный перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org